

Елена Усачева

Месть девочки-призрака

Часть сборника
Большая книга ужасов. Millennium

Елена Александровна Усачева

Месть девочки-призрака

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4989871

Большая книга ужасов. MILLENNIUM : повести / Елена Усачева, Ирина Щеглова, Сергей

Охотников: Эксмо; Москва; 2013

ISBN 978-5-699-61596-4

Аннотация

После того как дух погибшей от несчастной любви девушки начал преследовать отдыхающих, в лагере не стало покоя. Но хуже всего – взрослые не спешили верить рассказам ребят, закрывая глаза на странные происшествия. Оставленные один на один с призраком, подростки решили во что бы то ни стало помешать ему совершить самое страшное...

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	13
Глава третья	22
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Елена Усачева

Месть девочки-призрака

Глава первая

Разговоры

Лунный свет облизывал белесую стену двухэтажного здания. Со всех сторон домик подпирали пышные кусты сирени. Темные окна давали зловещие блики, отчего сами казались бездонно-мрачными. Подъезд словно ту же натягивал на лоб козырек, в тревоге гнул голову. Ночной сквозняк заносил в плохо закрытую форточку первого этажа, щекотал сонные иголки кактуса на подоконнике, обвивал вялый ствол фикуса, падал на ступеньки, рассыпался ветерком бисером, будто подталкиваемый в спину, летел вверх, проскакивал поворот и втягивался в распахнутую дверь крайней комнаты. Здесь он сбивал пылинки с ножек трех кроватей, взбирался по спинке одной из них и выпадал в распахнутое окно обратно на улицу. Июльская ночь принимала сквознячок в свои мягкие ладони, скатывала в послушный шарик, чтобы запустить его... Куда? В окно? В небо? В лицо застывшей фигуры?

Ветерок стих, но еще долго хрустели ветки под ногами, скрипел песок, кто-то шептался, совок скреб землю, шуршал выкопанный пакет.

Из распахнутого окна изолятора слышался неспешный разговор.

– Тихо! Вздыхает кто-то, нет?

– Покойница за стеной.

– Какая еще там покойница?

– Самая обыкновенная.

– Откуда?

– Да об этом все знают!

– Ну, ну... соври что-нибудь.

– Смотри, как бы у тебя от этого вранья кишки в таз не провалились.

– Это у кого еще провалятся!

– Всем молчать! Я рассказываю!

– Ой, ой, ой...

– Значит, так. За точность имен не ручаюсь. Но как-то приблизительно. Зина любила Петю. Петя был не против гулять с Зиной, но ему больше нравилась Ленка. Ленка бегала за Пашкой, в которого была насмерть влюблена Славка. Славка ходила, ходила, да и решила увести Петюню у Зинки, хоть они и были подружками. Зинка билась в кровь, рассорила Ленку с Пашкой, и Славка спокойненько его забрала себе. Так прошел год, потом второй. А потом...

– погоди, я что-то запутался. Если она любила Васю, то чего она к этой Ленке полезла?

– Какого Васю! Чего ты несешь? Не было Васи!

– Ну, Колю...

– Да пошел ты!

– Чего вы вечно ругаетесь? Рассказывай дальше.

– Не буду!

– Хорош!

– Не буду!

– Королев! Скажи!

– Пося, отвали!

- Без него обойдемся. Короче, повесилась она.
- Кто, Вася?
- Ну, ты дебил! Какой Вася! Я же говорю – она. Славка.
- И не Славка, а Ленка.
- А Ленка-то от чего?
- От любви.
- Вот чушь! Кто же от любви вешается?
- А от чего вешаются? Когда конфет не дают?
- Ну... за дело.
- Для девчонок это – дело.
- Вот дуры.
- Пося, тебе не понять.
- Чего это мне не понять? Все я понимаю.
- Конечно! У тебя девчонок было... отсюда и до речки.
- Чего вы опять? Королев!
- Уговорили, сейчас я вам все расскажу. А повесилась она в изоляторе. Сначала вены попыталась себе вскрыть, а потом повесилась.
- На чем повесилась?
- Пося, отвали! На собственных трусах повесилась.
- А дальше что?
- Ничего! В землю закопали, надпись написали.
- Не все! Она не успокоилась. Она до сих пор здесь.
- Брехня!
- А почему тогда нас троих положили в эту палату? Должно быть две кровати. Третью еле втиснули. Вера Павловна пройти не может, ругается.
- Чтобы нам скучно не было.
- Королев! Что ты гонишь? В соседнюю палату никого класть нельзя. Эта Ленка как раз там и повесилась. Туда уже третий год никого не кладут. Потому что ночью она обязательно приходит и душит того, кто там спит.
- А! А! Помогите! Я задыхаюсь!
- Пося, сейчас в лоб.
- Ну чего вы прикидываетесь? Здесь всего две палаты. Одна для девчонок, другая для нас. Это ты сюда затесался со своим перегревом. Не класть же тебя к девчонкам?
- Это еще вопрос, кто затесался.
- Ты о чем?
- А кого я видел сегодня на завтрак? Не тебя, скажешь?
- Какое меня? Я в изоляторе уже третий день.
- А по улице, значит, твоя тень бродит?
- Или здесь твоя тень лежит?
- Вы чего?
- Мы-то ничего, а вот ты... Пося...
- Хорош пугать.
- И про покойницу он все знает. Кто повесился, кто не повесился.
- Отстаньте вы! Ничего я не знаю! Сами только что рассказали!
- Мы-то тебя не трогаем. Ты, я смотрю, сам...
- Ребята, ну что вы?.. Куда вы смотрите? Что там? Не молчите, а? Чего вы вдруг? Хотите, я сам схожу в соседнюю палату и докажу, что там никого нет? Они специально сюда третью койку впили, чтобы убираться поменьше. Они же здесь хлоркой все промывают, вот и решили сэкономить. Нянечке половину зарплаты платят за одну палату.

– Ага, а неиспользованную хлорку выпивают.
– Королев! Ты-то мне веришь?
– С чего мне тебе верить? Раз Кабан говорит, так оно и есть – засланный ты сюда человек.

– Ну вот, глядите!
– Копыта убери! А то я тебя ядовитой слюной...
– Шаги! Слышите?
– Показалось.
– Пося, если ты не перестанешь сопلي развешивать, все станет слышно.
– Нет там никого.
– Своих не признает.
– Сам ты свой!
– Дам в лоб – станешь своим. И начнешь по коридору шастать, как местный.
– Да пошли вы!
– Ты глянь, обиделся. А может, это за тобой? Шаги-то...
– За тобой! Меня завтра уже выпишут, а тебе еще здесь куковать... Вместе с покойницей.

– Не, у покойницы своя компания есть.
– Какая компания?
– Хорошая компания. Пося энд компани.
– Королев, хорош! Кабан, скажи ему.
– А чего мне говорить? Все правильно. Ты у нас главный по покойникам. К тебе, вон, уже пришли.

– Сейчас мы узнаем, кто к кому пришел.
– Нет, ну вообще – потопал! Храбрый!
– Отвали!
– Как у себя дома. Я же говорил, оттуда он, от покойников.
– Пошел ты!
– Пока только ты у нас пошел.
– Ты чего на него взъелся?
– Надоел. Пока ты не появился, он мне два дня мозг выносил. Сидит, волдыри свои ковыряет. Это же он меня прыщами заразил! Все тряс надо мной своей футболкой. Вера Павловна сначала решила, что у нас ветрянка, а потом оказалось, ничего особенного – клопы покусали. Ты у нас тут по делу, с солнечным ударом. И где только подхватить ухитрился? Солнца, вроде, и не было. Какого вас на речку потащили?

– Чего-то он долго...
– Обиделся и в соседней палате спать завалился.
– Вроде тихо. Пошел-то он куда?
– Покойница к себе утащила.
– Ага, и сейчас с толпой мертвяков он прибежит обратно.
– Конечно, прибежит! Куда денется?
– Уже куда-то делся.
– Не зуди. Тут до конца коридора и обратно. Другой дороги нет.
– Еще в туалет можно завернуть.
– У него понос – в туалете сидеть?
– Слышишь?
– Обратно идет?
– Нет, это от лестницы.
– Вера Павловна?

– Она топает, а это – с шуршанием каким-то. Словно по полу за собой что-то везет.
– Я надеялся, Пося в отряд драпанет. Нет, вернулся.
– Выгляни.
– Чего я выгляни, если ты лежишь около двери?
– На правах старичка. Какую ночь уже здесь.
– Без тебя все тихо было.
– Тихо было, пока Пося орал. Леш, а что, если это не он ходит?
– Имя у него новое – Неон? Сбежал давно наш Пося. Небось к вожатым помчался.
– Почему к вожатым?
– Вожатые – это хорошо. Вожатые – это надежно.
– Королев! Ты чего трясешься?
– Шаги, слышишь?
– Внизу кто-нибудь стучит.
– Ночью?
– Домино или карты...
– Что ты паришь? Какие карты? Это шаги! Вот, остановились.
– Разве? Я ничего не слышу.
– Идут дальше.
– Где?
– Это же Пося! Вот debil!
– Не ходи!
– Сейчас я ему!
– Стой! Королев! Ты где? Я слышу шаги. Они возвращаются. Это Пося? Королев! Кто это? Ты?..

Детско-оздоровительный лагерь «Радуга» тонул в зелени. Уснувшие на ночь кусты выступали темными громадами из-за корпусов, пластмассово отражали свет восковые лепестки цветущих магнолий. Стволы сосен горели во мраке желтыми свечками. Свято следуя законам физики, тепло от земли уже давно улетело в чернильное небо, к моргающим звездам, по траве потянуло сыростью, душноватой затхлостью от старицы. Ветерок поигрывал макушками сонных деревьев. По утопанной земле прыгали лунные тени, протянулась через дорожку черная растопыренная лапа. Звезды задрожали, уступая место пронзительно-яркому месяцу. Изогнутый рожок уверенно светил, разгоняя мрак, пробиваясь сквозь ветки и листву, отчего все внизу стало неприятно-пятнистым.

Сквознячок коснулся иголок, осыпал желтые колючки на головы пары, стоящей под сосной, убрал черную тень через дорожку.

– Ты меня любишь?
– Ну чего ты сразу?
– Ничего и не сразу! Говори: «Я люблю тебя, Алла! И буду любить всю жизнь!»
– «Я люблю тебя, Алла, и буду любить всю жизнь!»
– Не так!
– А как?
– Что ты все шутишь? Говори серьезно. Если любишь, конечно.
– Люблю, люблю.
– А смотришь куда?
– Показалось – прошел кто-то.
– Ты просто отворачиваешься! Никого там нет.
– Старшие отряды могут шалить.

– Макс! Какое тебе дело до старших отрядов, если ты на третьем. Твои спят? Вот и ты – спи. То есть стой рядом и не дергайся!

– Слушаюсь, мой командир.

– Ты не слушай, а говори!

– Что говорить?

– Что любишь меня.

– Люблю.

– Что будешь со мной всегда!

– Буду с тобой всегда.

– Как-то ты не так это говоришь. Издеваешься?

– Ну почему сразу издеваешься? Ты просишь – я говорю.

– Тихо!

– А ты еще меня постоянно дергаешь.

– Да не ори ты! Слышишь?

– Только тебя и слышу.

– Прошел кто-то.

– Я же говорил!..

– Тихо! Вот опять. Шаги!

– Ветер. Иголки с сосен падают.

– Какие иголки? Ой, мамочки!

– Ты меня задушишь... Шея! Алла!

– Ой, извини. Я так испугалась. Кто-то из детей сбежал.

– А слышала, как в прошлой смене детишки развлекались? Налили в грелку вино, закопали ее и бегали парами к тайнику, сосали алкоголь через трубочку. Никто и не понимал, чего они там в кустах делали – приходили и уходили с пустыми руками.

– Смотри! Видишь? Что-то белое.

– Никак девчонки побежали. Отряд второй или первый, судя по всему. Давай догоним?

– Не ходи! Что-то мне тревожно стало.

– Кого ты испугалась? Сейчас они тебя испугаются! Ты же вожатая. Пошли!

– Ой, что-то ноги не идут.

– Застоялась! Быстрее! Упустим!

– Помогите!

– Слышал?

– Откуда это? От входа?

– От изолятора.

– Бежим!

– Не могу. Ноги не слушаются.

– Алка! Ну ты чего?

– И тебя не пушу.

– Помогите!

– Зовут.

– Без тебя обойдутся. Макс! Стоять!

– Хватит мной командовать! Я быстро! Там ерунда какая-нибудь. Дверь, наверное, захлопнулась. Народ уже собрался. Стой здесь.

– Нет! Макс!

– Я быстро!

– Макс! Я с тобой! Не убегай! Макс! Сам говорил, что любишь, а теперь бросаешь. Вот видишь, я уже иду. Ты где? Макс? Это ты? Ты решил от меня спрятаться? Ой! Кто здесь? Макс!

– Помогите!

Летняя ночь дышала сотней глоток. Затхлый, перегревшийся за день воздух стоял колом в горле, рождая неукротимое желание прокашляться. Тяжело пахли магнолии. Вдыхали старые сосны, нехотя протягивая свои ветки в палевое небо. Месяц пробитой дыркой смотрелся над головой. Так и виделось, что в этот ненасытный яркий серп сейчас затянет не только россыпь звезд-веснушек, но и ночь, деревья, дурацкие кусты и двух девчонок, бегущих сквозь низкие трескучие акации.

– Боже мой, как он прекрасен! Просто божественен! О! Король!

– Задолбала ты уже со своим Королевым.

– Ирка! Ты не понимаешь! Он прекрасен.

– И божественен. Куда уж мне – понять такое!

– Король! Какой он!.. А как говорит! А какие стихи пишет! «Эта ночь...»

– Сегодня без стихов! Они тоже божественны, как и твой Король, пропади он пропадом!

– Не надо, чтобы он пропал. Ирка! Он идеален! Это даже не человек!

– Очень бы мне хотелось, чтобы он перестал быть человеком, потому что я слышать больше о нем не могу. Я придумала, Аня! Давай наречем его крысой. Красивой такой, с длинным хвостом. Упитанной крысой. Он не обидится.

– Зайцева! Ты сволочь! Потому что Король прекрасен.

– Да прекрасен он, прекрасен, только замолчи. Я же пошла с тобой. Вот видишь, иду. Между прочим, нас Алена ругать будет.

– Если заметит.

– У нее чутье! Третий год вожатой. Наверняка заглянула к нам в палату и увидела, что нас нет.

– Ирка! Как она может что-то увидеть, мы же сделали «кукол», мы вылезли тихо-тихо. Перед нами уже сбежали двое. Вокруг сказочная ночь. И мы идем к самому прекрасному в мире человеку. Королю! Он сказочен.

– Сказочен, сказочен...

– И прекрасен.

– Я тебя сейчас стукну. Как будто помимо Королевы других парней нет. Там Кабанов лежит, Сашка, тоже ничего себе. Как он здорово спор выиграл. Сказал, что заработает тепловой удар, – и пожалуйста, он в изоляторе. Жалко, что его не отдельно положили, можно было бы к нему в палату залезть, посидеть.

– Ирка! А давай заберемся на второй этаж к Королю! Чего мы будем просто так стоять у него под окном?

– Это ты собиралась у него под окном стоять, а я собиралась тебя там бросить.

– Как можно меня бросить, когда я такая счастливая...

– Дура. Он же тебя все время чморит, ненормальной называет. Перед тем как загреметь в изолятор, что он говорил?

– Ах, что бы он ни говорил – это все равно прекрасно!

– Ага, прекрасно... «Красное белье – это пошло», «Черные чулки – это вульгарно». «Ты ужасно одеваешься». «Что у тебя на голове?»

– Что у меня на голове?

– Стог сена у тебя на голове, а под ним – пустота.

– Так не бывает!

– Хорошо, что у тебя папа – не хирург, ты бы наслушалась разных историй. Бывает все. Одному мужику полчерепа снесли. И он живет себе дальше как ни в чем не бывало.

У другого череп вскрыли, а там пустота, только водичка булькает. А он при этом ходил, разговаривал, работал. Так что у тебя еще все может быть.

– Пусть! Пусть там будет пустота! Но эта пустота живет, и ей хочется кричать, что Королев прекрасен.

– Тьфу на тебя! Интересно, что ты скажешь, когда смена закончится и твой ненаглядный укатит в свой Залесск, а ты к себе в деревню?

– Не знаю. Я, наверное, тогда умру.

– Решение – блеск! Чего тянуть – прямо тут и давай!

– Смотри, у них свет горит.

– Дверь закрыта. Если хочешь туда попасть, лезь в окно.

– Королев!

– Свет не в той палате. Не у мальчишек. В соседней.

– Кто-то еще заболел... Королев!

– Какая-то девчонка. Рукой машет. Свет там какой-то дурацкий. Все синим делает.

– Ах! Королев! Я готова ради него на все! Лешенька!

– Хреново она выглядит, эта девчонка. Как будто синьку на себя вылила.

– Лешка!

– Ай! Мотя! Ты видела?!

– Королев? Где?!

– В том окне! Девчонка! У нее было синее лицо.

– Показалось. Такая ночь... Все немножко нереально.

– Помогите!..

– Ты что?

– Смотри!

– Королев? Ты что?! Не трогай его! Не смей! Лешка!

– Помогите!..

– Ирка! Разбивай стекло! Быстрее! Лешка!

– Сарафан скидывай! Ай! Не получается.

– Сильнее! Королев! Помогите!

– Помогите!..

Сказать, что утро в детском оздоровительном лагере «Радуга» было добрым, значит многое упустить. Оно было... веселым. Что может быть веселее поспать на часик подольше, потому что побудки в восемь утра не прозвучало? Не зашипели привычно репродукторы на четырех столбах, расставленных по всему лагерю, не выплюнули из себя звонкий напев горна, приблизительно ложившийся на мотив песенки: «Вставай! Вставай! Штанишки надевай!» Не грохнуло следом за этим до противности бодрое: «Лагерь «Радуга», с добрым утром!» Не заиграла до зубовного скрежета надоевшая песенка «В небе радуги свет – о-о-о-о! Это лета привет – о-о-о-о! И под этой дугой – о-о-о-о! Мы танцуем с тобой – о-о-о-о! Только с тобой!»

Да что вспоминать все то, чего так и не произошло. Лагерь продолжал спать, птички продолжали мирно чирикать, даже осмелевший дрозд вывел свое заветное: «Филлллиппп, Филлллиппп! Пррриди, пррриди! Чай пить, чай пить. С сахаром, с сахаром!» Лишь у корпусов малышни наметилось некоторое оживление. Карапузы, как известно, вовремя ложатся и вовремя встают. Им никакой будильник не нужен.

В это самое время по начинавшей нагреваться дорожке семенил невысокий пухлый человек со сверкающей лысиной, обрамленной пушком кое-где сохранившихся волос. Начальник лагеря Семен Семенович Курицын торопился на внеплановое собрание вожатых. Проходило оно в светлом двухэтажном корпусе, чьи свежеекрашенные бока контрастиро-

вали с древними корпусами, где жили дети и обслуживающий персонал. Корпус назывался «Административным». На первом этаже обитали бухгалтерия и комната директора, на втором – кабинеты врачей и... изолятор.

Семен Семенович подошел к ступенькам крыльца. Под ногами захрустели осколки. Не хватало стекол в окне около двери и прямо над ним, в изоляторе. От верхнего разбитого окна вниз тянулись темные полосы. словно кто зажигалкой провел, оставив закопченный след.

Топот на дорожке предупредил о том, что к корпусу кто-то очень спешит.

– Идут! – вырулил из-за куста сирени вихрастый десятилетний мальчишка в шортах и почему-то в парадной белой рубашке.

– Идут! – прыгнул вперед пацан лет двенадцати, закутанный в простыню.

– Идут! – Долговязый парень из старших отрядов вышагивал степенно, предыдущие гонцы его обогнали, но это его нисколько не тревожило.

Начальник лагеря хрустнул стеклом под ботинком, напряг челюсти и воинственно сощурил глаза.

– Идут, значит? Что ж, хорошо.

И решительно поднялся по ступеням.

Гонцы не стали ждать разрешения уйти. Каждый своим манером ускакал, убежал и ушел, стоило начальнику повернуться к ним спиной.

В холле первого этажа пахло горелыми спичками. Как будто некий гном не нашел себе другого занятия, как извести в ночи десяток-другой коробков.

Слева – лестница наверх, прямо – вечно закрытая дверь бухгалтерии, справа – стеклянная дверь большой просторной комнаты с высокими, в человеческий рост, окнами, с неизменными монстерами по углам, вымахавшими такими большими, что язык не поворачивался назвать их листья «ладошками». Это были гигантские растопыренные лапищи инопланетного монстра.

В кабинете вдоль окна и напротив, вдоль стены, тянулись зигзаги стульев. Выглядело это так, как будто стулья куда-то торопились, но внезапно наступивший рассвет заставил их замереть на месте.

Дверь смотрела на широкий стол, заваленный бумагами, из-под которых еле виднелись два телефона. Директор пересек кабинет и навис над бумагами, словно на расстоянии пытался определить, какая из них нужная, а какая давно просится в мусорную корзину.

Звуки, множество звуков наполняло комнату. Здесь были и задорные голоса зябликов, и шум ветра, и шепотки давно умерших разговоров. А главное – шаги. Они приближались, они накатывали лавиной, они сбивали с ног.

– Мы пришли!

– Садитесь!

В дверь стали входить вожатые, невыспавшиеся, еще несколько помятые со сна.

По одному вожатому от отряда, всего, выходит, двенадцать человек. Начальник быстро оглядел знакомые лица. Старший вожатый Кирюша, как всегда бесшумно, скользнул на свое место около стола, достал блокнот. Недаром – старший, всегда знает, что надо делать.

– Скажите, – вкрадчиво начал Семен Семенович, не дожидаясь тишины, – вы любите детей?

Комнату захлестнули возмущенные голоса. Начальник не стал останавливать своих вожатых: дослушал восклицания до конца – они сами стихли, захлебнувшись в повторениях.

– Я понимаю, что любите, иначе не стали бы вожатыми. Но одной любви здесь не хватает. Ваша любовь не удержит их около вас. – И без паузы, без предупреждения, без приличествующего такому сообщению лирического отступления: – У нас пропали мальчишки! Первый отряд. Алена, может, вы сами все расскажете?

Поднявшаяся девушка была невероятно красива и, по всему выходило, что она еще не осознала своей красоты. Ни в лице, ни в глазах у нее не было ни холодного цинизма, ни высокомерия, что так часто встречаются у девушек, многими захваленных. Она мгновенно покраснела, стрельнула глазками направо-налево, теряясь и чувствуя свою беспомощность.

– А чего тут рассказывать? – негромко начала она. – Мальчишки лежали в изоляторе. Сегодня утром их уже там нет. Лежавший вместе с ними Кабанов сказал, что они сбежали. Испугались покойницы и сбежали.

Она замолчала, давая возможность взлететь испуганным вопросам: «Покойница? Покойница?» А дальше: «Ой! Ой! Ой!» И громкий шепот вожатого третьего отряда Макса: «Потом все расскажу!»

– Я не думаю, что они сбежали вместе, – собралась с духом и продолжила Алена. – Королев не дружил с Постниковым, они не могли сговориться. Около изолятора ночью были девочки, Аня с Ирой. Они утверждают, что видели в пустой палате девочку и что она душила Королева. А еще этой ночью...

– Достаточно, – прервал ее Семен Семенович. – Инфернальщину оставьте своим детям – для рассказов перед сном. Кто кого душил и какого цвета было у девочки лицо. Вы мне лучше расскажите, почему ваши подопечные разгуливали ночью по территории?

– Королев с Постниковым лежали в изоляторе, я не могла за ними следить! – звонко воскликнула Алена.

– Я не про них сейчас спрашиваю! Я спрашиваю про ваших девочек! Алена! Вы же не первый год работаете в лагере!

Начальник как-то странно посмотрел на вожатую, так что она даже рот закрыла. Румянец сбежал с ее щек.

– С девочками ничего не произошло, – сквозь сжатые зубы прошептала Алена.

– Ничего, кроме истерики? – уточнил начальник. – Что они увидели?

– Кого-то в окне. По описанию выходит, что это Канашевич.

При этих словах начальник вдруг подпрыгнул, стукнул кулаком по столу и, сильно поклонившись вперед, заорал:

– Канашевич умерла три года назад! Алена! Что вы несете?! Вы же были вожатой ее отряда и все хорошо знаете! Никакая Канашевич в изоляторе появиться не могла. Это все слухи и страшилки лагеря. И не стоит их нести дальше! А то у вас скоро зеленые инопланетяне появятся! Детишкам всего-навсего стало скучно! Они разбили два окна, испачкали стену и сбежали!

– Но Алла говорила... – неуверенно начала Алена.

– Это еще придется выяснить, почему Алла вместе с Максимом в столь позднее время находились вне своего отряда. Распустились! Придумываете всякую ерунду, вместо того чтобы делом заниматься, за которое, кстати, вам платят деньги. Алена! Вы же профессиональный вожатый! Как вы могли во второй раз такое допустить?

– И во второй раз это происходит в изоляторе! – заупрямилась Алена. – Та же самая палата, Семен Семенович!

– Хватит оправдываться! Если дети у вас бегут из отряда, если они убивают себя, значит, что-то в отряде происходит не то. Или вы хотите подписаться в собственной профнепригодности?

– Они не из-за отряда это делают!

– А из-за чего?

– Из-за любви!

Тихо вскрикнула маленькая Настя. А крупная, с румянцем в пол-лица Маруся громко хохотнула.

Глава вторая

Когда все хорошо

Горн все-таки проснулся и напомнил о себе. Лагерь, уже прогретый утренним солнцем, зашевелился. Голоса детей заглушили птичьи трели.

– Алюша! Какую ерунду ты несла? – морщился вечно недовольный Кирюша, прозванный так за то, что любил все имена переделывать на уменьшительно-ласкательные. – Что еще за любовь? Ты бы искала, кто у тебя кого обижает. Сама говорила, что Постникова твоего недолгоблюдают, издеваются. Не в этом ли причина?

– Кирюша! Прекрати! Ты отлично знаешь, что Канашевич покончила с собой из-за психической неустойчивости. Это даже следствие доказало. У них возраст такой – четырнадцать лет. Они все с ума сходят из-за своих первых влюбленностей, их кидает из крайности в крайность. А потом – еще дома она пыталась вскрывать себе вены.

– Кому ты это говоришь? Если мальчишки не найдутся, отвертеться общими словами тебе не удастся. С Канашевич тогда крупно повезло, что случившееся не повесили на тебя, что родители не стали гнать волну, что у нее уже были попытки суицида. Что бы ты ни говорила, но смерть случилась и по твоей вине. Надо было ребенку больше внимания уделять.

Алена наклонила голову. Светлые волосы скрыли лицо.

– Они найдутся, – глухо заговорила вожатая, – но не так, как ты думаешь. Канашевич вчера увидели даром. Три года. словно она специально чего-то выждала и явилась... Или ее кто-то позвал. Такие же обряды бывают, нет?

– Ты сходишь с ума! Алюша! Очнись! Вот именно что три года! Если это тебя так волнует – съезди к ней на могилу, поставь в церкви свечку. Но только не тащи прошлые события в сегодняшний день. Считай, что все забылось и быльем поросло.

– А то, что ты три года назад за мной ухаживал – тоже быльем поросло? Куда делись твои чувства?

– Ой, Алюш! Тебе сейчас надо о сегодняшнем дне думать, а не о моих чувствах. Ищи детей, звони родителям. В этот раз тебе так просто отделаться не удастся.

– Не надо никому звонить. Они в лагере. – Алена спустилась на дорожку, оглянулась на окна второго этажа. – Просто мы их пока не видим.

Кирюша недовольно поморщился – ему надо было найти детей, все остальные мысли и эмоции он откладывал на потом.

Первый отряд по праву старичков позволял себе не бегать на спортивную площадку для утренней разминки. Ребята вяло размахивали руками около своего корпуса. Пара мальчишек откровенно отлынивали, пристроившись на корточках возле отрядной беседки. Девчонки болтали. Высокий накачанный вожатый Матвей, ничего не замечая, продолжал с настойчивостью робота отсчитывать ритм выполняемых упражнений.

– Раз-два, раз-два, раз-два. Тянем мысок!

Он учился в спортивном колледже, собирался стать тренером и два месяца летом в детском лагере были его подработкой. Стальные нервы, абсолютное спокойствие, стопроцентная уверенность в себе и собственной победе. Мечта, а не мужчина.

– Следующее упражнение!

Алена сделала знак рукой, чтобы ребята не отвлекались на нее, но парни тут же сгруппировались вокруг вожатой, замелькали в толпе взволнованные лица девчонок.

– Раз, два! Раз, два! – с упрямством заводного механизма повторял Матвей.

Упражнения должны выполняться, и они будут выполнены, даже если перед тобой осталась только пара тихонь.

– Ну что? – выдвинулся вперед суровый Юрка Кривонос. За спиной – его гвардия, верные мушкетеры короля: Мишка, Давид, Гера.

– Кто видел Аню?

Моторовой не было.

– Она в палате, – подсказала Томочка.

– Раз, два! Раз, два!

– Заканчивайте зарядку и собирайтесь в беседке.

Алене хотелось выдохнуть, хотелось опереться на плечо такого уверенного в себе Юрки. Но впадать в панику и унывать было поздно. За нее это уже сделали. Старший вожатый постарался.

Палата просторная, на десять кроватей. Большой нелепый квадрат, где часть коек стоит около стены, а две сиротливо выползли на середину с неизменными спутницами-тумбочками. Гулкое пространство к душевному разговору не располагало.

– Королев! – выла в своем уголке Анька.

Судя по тому, что из зрителей рядом с ней осталась только верная Ирка Зайцева, рыдала Моторова давно. А может, и всю ночь. Нет, всю ночь она не рыдала. Всю ночь она носилась по лагерю. С теми же криками.

– Что у вас?

– Вера Павловна ей успокоительное дала, но оно, кажется, не действует.

Ирка Зайцева была нежно-рыжего цвета, белая кожа лица придавала ей невинный, почти младенческий вид. На это покупались все, кто Ирку не знал. Если Кривонос в отряде играл роль де Тревиля, то Ирка была истинной Миледи. Это из-за нее Сашка Кабанов поспорил, что среди пасмурного дня заработает себе тепловой удар и чуть не прыгнул головой в самую большую печку лагерьной кухни. В ответ на такой подвиг Ирка лишь белесой бровью повела. Ни ее, ни Аньку нельзя было назвать красавицами. Широковатый нос, мясистые щеки, водянистые глаза, да еще и хрипловатый голос – но все мальчишки поддавались ее очарованию.

– Королев! – оторвала заплаканное лицо от подушки Аня.

Тоже рыжая, тоже с белым лицом, широкими скулами, маленькими глазами. А сейчас еще и зареванная – Моторова выглядела ужасно.

– Еще раз скажите, что вы видели? – жестко произнесла Алена.

Ира улыбнулась. Такая улыбка считалась загадочной, и парни в кровь расшибались, чтобы подобная милость была обращена к ним.

– Ну, мы пошли к изолятору...

– Зачем вы туда пошли?

Зайцева округлила глаза, словно ее спросили о чем-то неприличном.

– Потому что Анька весь вечер выла о своем Королеве. Вот мы и решили...

– А Кабанов?

Глаза Ирки стали еще круглее.

– А что Кабанов?

– Ты разве не к нему пошла?

– Ой, сдался мне этот Кабанов!

– Ладно, вы пошли к Королеву. Дальше.

– Ну и всю дорогу Анька кричала, как Королев прекрасен.

Алена закрыла глаза. Рыхловатый круглоголовый Королев с тонкими губками и ехидным прищуром вызывал у нее совсем другие чувства, но на вкус и цвет, как говорится...

– Дальше!

– А чего дальше? Мы пришли, стали их звать. Я смотрю, кто-то в окне торчит и свет еще какой-то странный. Девчонка, волосы длинные...

Алена тяжело задышала.

– Ты раньше видела ее фотографию? – сквозь сжатые зубы спросила вожатая.

– Чью?

Ирка обратила на Алену тяжелый взгляд. За ним была пустота. Из такой пустоты можно вытащить лишь то, что позволят. Зайцева – не позволяла.

– Дальше!

– А потом эта девчонка стала душить Королеву, Анька заорала, я разбила стекло. Прибежали вожатые.

Моторова вдруг взвилась на своей кровати, кинулась к Алене:

– Пойдемте его искать, а?! Оденемся и пойдем. Возьмем все, что нужно. Он не мог далеко уйти! Я знаю, ему нужна помощь.

– Это тебе нужна помощь! Приди в себя! – Алена сама не заметила, как ее рука резко ударила по мокрым щекам подопечной. Раз, два. Завершаем физические упражнения и переходим к водным процедурам. – Он сам придет. А тебе надо умыться.

На нетвердых ногах Алена вышла из палаты.

Канашевич, Канашевич... как в дурном сне. Ровно три года назад она так же успокаивала рыдавшую в подушку Лену Канашевич. «Мальчик с девочкой дружил, мальчик дружбой дорожил...» Не хватает только, чтобы с Анькой что-нибудь стряслось. А поэтому с ней надо жестко, никакого сюсюканья.

По коридору прозвучали быстрые шаги. Здоровье в порядке, спасибо зарядке!

– Ну что, моя дорогая?

Матвею хоть бы что! Как машина. Все так же улыбается, так же четок. Зарядку сделал – день покатился дальше. Попытался Алену приобнять, но она не далась.

– Кирюша с завхозом пошли в лес, Семеныч звонит родителям.

– Вот видишь, как все хорошо!

Убила бы! Но Матвей высок, широкоплеч, с открытым добродушным лицом – об его голову можно разбить сковородку, он все так же будет стоять и улыбаться.

Алена вышла на крыльцо. Отрядная беседка, как галчатами, была обсижена ребятами. Они шумели, смеялись, кого-то уронили с высокого бордюрика.

– Ваш вожатый сказал, что все хорошо, – дрогнувшим голосом начала Алена. – Значит, так оно и есть. У меня к вам одна просьба – хотя бы пару дней не разбегаться. Моторову не трогать. Вообще! Чем меньше вы будете на нее обращать внимания, тем быстрее она успокоится.

Алена поморщилась. Надо было еще как-то сказать им про Канашевич, ну, чтобы поменьше вспоминали длинными лагерными ночами, но язык не повернулся.

– Идем завтракать. Я уверена, Королев с Постниковым к обеду вернутся.

Первыми с лавок ссыпались мальчишки – «вечно голодные, вечно свободные...», и начали делать вид, что строятся.

– Ой, миленькая, так все ужасно! – тут же повисла у Алены на шее Томочка. – Я так переживаю.

Томочка круглолица, щекаста, кареглаза, с короткими темно-русыми волосами. Вся такая крепенько сбитая, правильная.

– Ты-то чего переживаешь? – устало отстранилась Алена, но от Томочки так просто избавиться никогда не получалось. Она еще сильнее повисла на шее, уперлась щекой в плечо вожатой.

– Так жалко, так жалко, – забормотала она. – Они вернутся, да?

Алена поискала, на кого бы Томочку сбросить – девочке было все равно, с кем обниматься. Как раз подвернулась Кузя.

– Юля! – поманила Томочкину подружку Алена. – У меня для вас задание. Посмотрите, чтобы Аню сегодня никто не трогал.

Отчаянный ход. В эту смену ее отряд клокотал интригами и маленькими кровопролитными победоносными войнами. Компания Томочки ненавидела Аньку с Ирой. Но ведь их «так жалко, так жалко...».

От неожиданности Томочка сползла с плеча вожатой, в карих глазах сверкнуло презрение.

– Хорошо, – заторопилась Кузя, отводя Томочку подальше.

Юлька Кузнецова, черноглазая, чернобровая, с длинными темными волосами, высокая, с уже сейчас вырисовывающейся хорошей фигурой, обняла Томочку, и та прильнула к ее покато плечу, прошептав: «Миленькая...», они направились к дорожке, но Кузя вдруг остановилась. Чуть помедлила, словно решала: говорить – не говорить, но все же сказала:

– А Юрка на зарядке говорил, что сломает Кабанову ногу, чтобы на всю смену отправить его в изолятор.

– Зачем? – опешила Алена, поразившись и самим Юлькиным словам и тому, что она произнесла.

– Чтобы в отряде не появлялся.

– Кому он это сказал?

– Зайцевой.

– А при чем тут Зайцева?

Томочка сделала большие печальные глаза.

– Типа, влюблен, – сообщила она страшную тайну.

Этого только не хватает! Прямо не июль месяц, а май, все маются. А тут еще Канашевич... Какого же числа это произошло?

Крик взметнулся и стих. Что-то в этом крике было знакомое... чье-то имя?

Алена обернулась. На крыльцо степенно вышел Матвей.

– Я смотрю в окно, а он чешет. Я говорю: «Ты не из столовой?» А он спрашивает: «А что, вы уже позавтракали?» Прикинь? Голодный!

– Кто?

– Как кто? – хохотнул Матвей. И вновь за эту жизнерадостность Алена захотела его убить. – Пося.

Кажется, Алена бежала. Задыхалась от бега...

Валя Постников был весьма своеобразным человеком. Некрасивый, но обаятельный, какими бывают мерзавцы в кино. Высокий. Светлые печальные глаза, светлые жидкие волосы. Наивный до невозможности – его так и хотелось пнуть или «развести» на злую шутку.

Этот самый Постников обнаружился за кустами около корпуса. Мальчишки окружили его. Юрка старался что-то выпытать, стучал по вялому плечу.

– Отошли! – налетела на них Алена.

Валька Постников неуверенно улыбался, но в целом был вполне себе жив и даже невредим.

– Идем! – вцепилась в его руку Алена.

Перед ее глазами мелькнули возмущенные лица – новости хотелось знать всем.

На крыльце толпился народ. Не пройти. Беседка занята – первый и второй отряд собираются на завтрак.

Алена решительно шагнула под сосны, впечатала Постникова спиной в корявый ствол.

– Ты где был?

Валя стрельнул глазами туда-сюда, словно ища поддержки, которую ему никто никогда не оказывал, да и сейчас бы не оказал.

– На реке.

– На какой реке? – с угрозой в голосе переспросила Алена.

– На нашей.

– Что ты там делал? – Вожатая быстро окинула взглядом подопечного. Одежда сухая, волосы не мокрые – не купался. И на том спасибо.

– Спал. Там домик есть, я в него забрался.

Алена сделала шаг назад. О чем еще можно говорить с человеком, который среди ночи сбежал из изолятора, чтобы прогуляться по лесу, посидеть на бережку под звездным небом, а потом поспать в заброшенном домике рыбака?

Постников не понимал смысла взгляда вожатой. Видимо, для него в таком поступке не было ничего необычного. Алена вздохнула и все-таки задала заветный вопрос:

– А почему ты не спал в своей кровати? И куда делся Королев?

– Они меня сами выгнали! Нарассказывали страшилок, а потом послали ловить покойников. Я и ушел. Королев в палате оставался. Что с ним случится?

– А как ты ушел, если дверь корпуса была заперта?

– Не была она заперта. Я спустился вниз, толкнул дверь – она и открылась. Я думал, погуляю немного и вернусь. А тут этот крик начался. Я решил отойти подальше. А потом уснул.

– А Королев?

– Чего Королев? Я его не видел.

– Так... – Выбивать из Постникова еще какую-нибудь информацию казалось бессмысленно. Открытый, как белый лист бумаги, он наверняка сказал все. – Иди к Вере Павловне...

– В изолятор?! – округлил глаза Валя. – Не! Там покойники...

– Идешь к Вере Павловне, и она пишет тебе в карте, что ты выздоровел. После этого приходи в столовую.

Валька хитро улыбнулся.

– А чего, Королев тоже сбежал?

– Тоже. Только ты через первый этаж вышел, а он со второго сиганул.

– Молоток! – одобительно хмыкнул Валька.

И как после этого говорить с парнями? Кабанов ничего не рассказал, молчал, как партизан. Хотя этот совет – не дорого возьмет.

Сашка не рвался откровенничать с вожатой. Это было видно по его лицу. Низкий, весь словно собранный из мелких деталей, он вдруг появился около корпуса и предусмотрительно застыл, не дойдя до крыльца нескольких шагов.

– Выпустили? – коротко спросила Алена.

– Выпустили, – Кабанов был столь же лаконичен.

– Что произошло?

– Ничего не произошло.

– А если подробнее?

– Сначала все спали, потом пришли девчонки, начали бить стекла, Постников решил, что это покойницы к нему лезут, и дал деру. Королев тоже ушел. Все.

– Окно кто разбил?

– Внизу – девчонки. Наверху – от ветра. Сквозняк был сильный. Наверное, Вера Павловна...

– Будь здесь, мы сейчас завтракать пойдем.

– А я уже позавтракал.

– С кем?

– С Кирюшей...

– Они вернулись?

– Они не уходили. Природная аномалия. Телефон не работает, рация не берет.

– Строимся! – гаркнул от крыльца Матвей, так что Алена с Сашкой втянули головы в плечи. – О! Кабанов! Почти все в сборе. Отлично!

Кабанов хмыкнул. Было в его улыбке слишком много знания, которым он не торопился ни с кем делиться. Вожатой захотелось эту самоуверенность немного сбить.

– Держись подальше от Кривоноса, – сообщила Алена. – Что-то вы с ним не поделили.

Сашка с готовностью кивнул. Он был типичным дворовым мальчишкой, которого не пугали подобные угрозы. Наоборот, бодрили кровь: к вечеру опять кто-то окажется в изоляторе.

– Ну что, вернулся?

Зайцева стояла в дверях, отлично зная, что солнечный свет сейчас ее выгодно освещает. Длинные рыжие волосы, улыбка победителя на пухлых губах, довольно прищуренные глаза.

– Вернулся. – Сашка поставил ногу на первую ступеньку, собираясь, как для броска.

– Молодец.

– Ты мне кое-что должна.

– Что же? – сделала бровки домиком Зайцева.

Кабанов кинул взгляд через плечо. Алена не уходила. Вокруг все было слишком странным, чтобы можно было вот так просто отправиться завтракать.

– Поцелуй и дискотеку.

– Может, поцелуй на дискотеке? – начала торговаться Ирка.

– И на дискотеке тоже.

Зайцева фыркнула, перекинула волосы с правого плеча на левое, склонилась, легко коснулась губами Сашкиной щеки. Кабанов поднял руки, собираясь задержать ускользящую Ирку. Но Зайцева сама упала в его объятия, потому что из корпуса вышел страшно злой Кривонос и, пытаясь, как паровоз на старте, потопал к столовой. Успев не только рассмотреть, чем занимались его товарищи по отряду, но и продемонстрировать свое отношение к происходящему.

Сашка обнял Ирку, за что тут же получил внушительный тычок в грудь.

– Дурак! Дурак! Дурак! – несколько театрально и чересчур громко заколотила его кулачками Ирка.

Алена побрела за своим отрядом. Ох уж эти ей цыплячьи влюбленности. Впереди шагали, разбившись на группки, все те, кого она за десять дней успела хорошо узнать. Или не так уж хорошо? Или совсем не узнать?

В ногах – неприятная тяжесть, словно это не девчонки бегали всю ночь, а она носилась под деревьями, пытаясь поймать, сама не зная кого. Призрака? Тени прошлого? Собственные страхи и воспоминания?

День прошел как в тумане. Над лагерем то ли космический корабль завис, то ли комета летела – не работала связь. Никакая: ни сотовая, ни стационарная, даже на рациях шли помехи.

Алену постоянно таскали в кабинет Семеныча. Кирюша косился неодобрительно, точно это она спрятала Королева у себя в комнате и не выпускает. Моторова бродила анемичной сомнамбулой – успокоительное наконец подействовало. Томочка обнималась с Кузей. Мальчишки перешептывались. Все были похожи на толпу заговорщиков. В небе собиралась гроза. В воздухе пахло озоном. Он рождал тревогу.

Тревога копилась внутри каждого – пока гуляли в лесу перед обедом, пока ели суп, пока делали вид, что спят, пока полдничали и играли на площадке в волейбол.

– Аленочка, миленькая, расскажи, а какие девчонки нравятся мальчишкам, – завела извечный ночной разговор Томочка.

– Разные. Никто никогда не определит, что именно мальчишкам нравится. Разным мальчишкам нравятся разные девочки.

– А ты почему не замужем? – встряла Кузя.

Алена опешила – это было что-то новенькое.

– Почему я должна быть замужем?

– В твоём возрасте я уже давно буду замужем! – с непонятным вызовом сообщила Кузя.

– А правда, – снова вкрадчиво вступила Томочка, – что, у тебя был роман с Кирюшей?

– Был. – Врать не имеет смысла. Об этом все знают.

– Ой, расскажи, а... – заканючила Томочка. Её хлебом не корми, дай послушать истории о любви.

– Что тут рассказывать? Познакомились в лагере, он стал захаживать к нам в корпус по вечерам, чай пить.

– Он тогда был такой же или другой? – вновь встряла Кузя.

Алена задумалась. Это было что-то сродни мифу – пока влюблена, перед тобой прекрасный принц, стоит чувству пройти – действие оборотного зелья заканчивается, и человек превращается в лягушку. А по сути, сам в себя. Каким был Кирюша три года назад? На белом коне, в блестящей броне, со щитом и копьем, а на поясе у него болтались головы поверженных врагов.

– Наверное, он был другим.

И вдруг она вспомнила. Точно! Был совсем другим. Как он шутил, как весело смеялся, как азартно спорил. Тогда его звали Кирюха, и у него еще не появилось этой дурацкой привычки звать всех уменьшительными именами.

– Да, другим! Головой подпирал небо, на правом плече у него держалось солнце, а на левом луна. Он вброд переходил любое море. Когда смеялся, дрожали горы, тучи образовывались, когда хмурился...

Они не сразу поняли. Долгие секунды слушали, открыв рот.

– Ты врешь! – закричала первой Кузя и захохотала. – Алена!

– Все так и было! – смеялась вожатая – очень уж забавные были лица у подопечных.

– Какие горы? Он же, вон, какой невысокий!

Девчонки загалдели. Алена зашикала, замахала руками – вот сейчас ввалится тот самый, с головой в облаках, и обрушит на них гималайские горы.

– Это правда! – Звонкий Анькин голос перекрыл разномастные крики, заставив всех замолчать. – Правда!

– Еще скажи, что твой Королёв небо головой подпирает, – не удержалась от ехидного замечания Томочка.

– Да! Он прекрасен!

На секунду Алена испугалась, что действие успокоительного закончилось и Моторова снова начнет буянить. Но Анька не стала больше ничего говорить, рухнула на кровать и закопалась головой в подушку.

За стеной бубнил Матвей – рассказывал о пользе здорового образа жизни, но мальчишки быстро научились разводить его на разговоры о пиратах и космических пришельцах. Почему-то в НЛЮ Матвей верил и мог говорить об этом часами. Все крупные катастрофы он объяснял инопланетянами. Наверное, так ему было безопасней жить.

На улице смеялись. Это было странно. Курицын четко следил, чтобы после отбоя по территории лагеря никто не ходил. Лично по несколько раз за вечер проверял корпуса, внезапно появляясь в притихших коридорах – от всех дверей у него были ключи.

– А почему вы с ним расстались? – не забыла о своем интересе Кузя.

Перед глазами Алены встала яркая картинка – перекошенное лицо Веры Павловны, ярость Курицына, перепуганные полицейские около детских корпусов, любопытные стайки

ребят. И взволнованный шепот Кирюши: «Ничего не произошло! Ничего не произошло!» Алена отвернулась от своих воспоминаний – до того ей все это было противно.

– Знаешь, как говорят: «Не сошлись характерами».

– В чем не сошлись? – допытывалась Юлька.

Все получилось очень глупо. Длинное застывшее тело под белой простыней. Напряженно молчавший майор. Кто-то должен был взять вину на себя. Кирюха сломался. Стал бубнить нечто невразумительное, что надо лучше следить, что есть режим, что он здесь ни при чем. Хотя «ни при чем» были все.

– Не люблю трусов, – пробормотала Алена и замолчала.

– Это из-за той умершей девочки, да? – прошептала Томочка. – Расскажи, а?

– Расскажжи!

– Расскажжжи!

«Жжжжж, жжжжжж, жжжжжж», – взлетело к потолку.

Можно было встать и уйти, можно было прикрикнуть, что это не их дело. Можно было соврать, что вообще ничего не было, что Лену Канашевич придумали лагерные баснописцы. Но Алене и самой хотелось выговориться, чтобы хоть что-то понять. Может быть, эти девчонки проживут другую жизнь, не наделают глупостей, что-то поймут.

– Она была больна. Ненормальное восприятие мира, когда из-за малейшей обиды человек не может справиться с собой. Когда кажется, что умереть – это как выйти в соседнюю комнату. Что можно вернуться.

– О! Это про Моторову!

Кто Кузю тянул за язык?

– На себя посмотри! – приподнялась на кровати Зайцева. – Ты у меня сейчас тоже раздружишься с жизнью и выйдешь в соседнюю комнату.

Алена встала. Нет, не готова она этим девчонкам сказать правду. А они не готовы ее слушать.

– Засыпайте! Будет время, вы встретите своих принцев и они будут прекрасны...

– С луной на правом плече и солнцем на левом?

Кто спросил, Алена не заметила.

– А с девчонкой-то что? – чуть не свалилась с кровати Томочка от желания услышать ответ.

– Наглotalась таблеток и умерла. Мать потом говорила, что она уже несколько раз пыталась покончить с собой. Неуравновешенная психика. Спите!

Алена вышла, оставив дверь приоткрытой. Они еще будут шептаться, обсуждать день, ругаться и выбирать, кто из парней на сегодня им кажется самым-самым.

Проходя мимо палаты мальчишек, она стукнула в дверь, давая понять Матвею, что с лекциями об инопланетном вторжении пора заканчивать. Что-то наши космонавты пока никаких инопланетян не заметили.

Еле слышное шарканье. Алена успела обернуться как раз вовремя, чтобы заметить тень, нырнувшую за игротку.

Длинный одноэтажный корпус. Бесконечный коридор с тусклой лампочкой в центре. От этого дальний конец корпуса терялся в мутном сумраке. Стоило около плафона промелькнуть бабочке, тени по углам оживали, начинали шевелиться, вздыхать, вылезать к людям.

– Кто здесь?

Корпус закрыт на ключ. Третий отряд давно спит. Второй еще шебуршится, но свет уже выключен – там среди вожатых строгий Колян, из бывших старожилов лагеря, он может и в лоб дать за шум после отбоя. Первый – как приливная волна: разговоры в палатах то вспыхивают, то гаснут, то всплескивают сдержанным смехом.

– Ты чего?

Матвей шурился после темноты на свет лампы.

Алена обернулась, чтобы увидеть вожатого, и вдруг поняла, что промелькнуло за углом. Это были длинные светлые распущенные волосы. Такие волосы были только у одного человека!

Сердце заколотилось в горле.

– Там кто-то прошел.

– Где прошел? – прогудел Матвей и спокойно направился к выходу.

Надо было разворачиваться и идти за ним. Надо было убедиться, что никакая Канашевич, умершая три года назад, не принялась ни с того ни с сего бродить по лагерю, уничтожая детей.

– Нет здесь никого!

Матвей довольно громко дернул входную дверь – заперта.

Она была очень шумная, эта дверь. Открываясь, неизменно цепляла вторую половинку, грохоча. Бесшумно в нее войти было невозможно. Если ты, конечно, не Курицын.

Вожатый еще раз гроыхнул, потом снова. Но сквозь этот грохот уже стал пробиваться другой звук. Какой-то шум, словно ветер гудит в соснах, осина дрожит от сквозняка, вода льется.

– Там дождь пошел?

Окна в палате девочек были открыты, и вроде бы никакого дождя Алена не заметила. Надрывался зяблик. Смеялись ребята. Успели набежать тучи?

– Нет дождя.

Матвей пошел обратно. Казалось, от его спокойствия вокруг становится светлее, даже блеклая лампочка в середине коридора прибавляет себе с десятков ватт.

Вода продолжала литься уже внутри корпуса. Кто-то принимал душ. Это могли быть вожатые – дети давно лежали по своим кроватям. Конечно вожатые! Алка или Каринка. А может, и Коля пошел освежиться – вода льется в мужском душе. Или Макс.

– А кто пошел в душ? – как можно более невинно спросила Алена.

Матвей тоже слышал.

– Пацаны воду не выключили. – У Матвея всегда все было просто и понятно.

Алена выдохнула. Чего она испугалась? Сама себе напридумывала страстей. Конечно, это просто не выключили воду. Мальчишки – балбесы.

Матвей распахнул дверь душа.

Не закрыта! Все правильно! Надо вставить этим оболтусам. Первый отряд в душ шел последним...

– Ну здравствуй! – глухо произнес Матвей, и вода литься перестала.

Алена поперхнулась воздухом и, чтобы не упасть, привалилась плечом к стене.

Глава третья

Ничего не произошло

Ветер свирепо рвал листву. Стонали сосны. Пыль с дорожек взлетала, как после работы старательного дворника, и носилась по воздуху. Колючие песчинки попадали в глаза. Хотелось чихнуть.

– Дождь будет, – раздалось из темноты.

Кабанов выпрямился, сплевывая с губ травинку.

– Дождь – это хорошо, – нехотя отозвался он.

Новый порыв ветра толкнул его в грудь, заставив покачнуться. Он уцепился за куст магнолии. Захрустели ветки.

– Чего звал? – Сашка изучал добычу – ветку с цветком. Не подарить ли ее Зайцевой?

– Хочу отправить тебя обратно в изолятор, – выступил из сумеречного подлеска Кривой.

Юрка Кривонос терпеть не мог ни свою фамилию, ни кличек, которыми его постоянно награждали. С обидчиками он дрался, нападая без предупреждения, до того, как любитель коверкать имя догадывался, что поступил опрометчиво.

– Был честный спор. Завтра дискотека. – Сашка безжалостно смахнул с отломанной ветки и цветок, и листья, похлопал получившимся хлыстиком по ноге, проверяя.

– Вот завтра ты и ляжешь в изолятор. Выбирай, что тебе лучше сломать – ногу или руку?

Кабанов еще шире растянул губы в ухмылке.

Кривой весь вечер цеплялся к нему, подсылал своих гвардейцев, и Сашка сам назначил ему встречу – около въездных ворот, подальше от корпусов и полуночникающих взрослых. Он знал, на что шел. Только драка могла разрешить их спор. Ирка привлекала внимание многих, выбрала – его. Но это надо было еще доказать.

За спиной у Кривого зашептала гвардия. Чиркнула зажигалка.

– Покурим? – добродушно предложил Кривой, делая шаг вперед и выплевывая листик, который он до этого жевал.

– Курить – здоровью вредить. – Сашка не шевельнулся. Кривой сокращал между ними расстояние, собираясь напасть.

– О здоровье беспокоишься?

Юрке очень шла его фамилия. Он был сплошным нарушением законов гармонии и симметрии – улыбался криво, обнажая невероятно кривые зубы.

– О твоём!

Кабанов сделал выпад, хлестнул противника прутиком по лицу. Юрка прикрылся руками, и Сашка пнул в его открытый живот, махнул ногой, целясь в колено. Но Юрка уже отскочил в сторону, встряхиваясь, как собака. Гвардейцы за его спиной стояли немым строем. Это была не их драка.

– Вот какой у нас разговор пошел, да? – заводил сам себя Юрка. – Значит, поговорим! – Он шагнул вперед, заставив Кабанова отступать. – Чтобы завтра к Ирке близко не подходил!

– А ты у нее спросил, чего она хочет?

– Обойдусь без ее мнения! Я сказал! Да ты и не подойдешь! Только если на инвалидной тележке подъедешь.

Они врезались друг в друга, сопя, наседая, наваливаясь. Замелькали белые руки. Свистел прутик. Но Кривой не сдавался – попадало больше по куртке и штанам.

– А вы все курите?

Сашка резво отступил, заставив Кривого дернуться, в попытке удержать равновесие.

– Больше не будем, – тяжело выдохнул Кабанов, поворачиваясь к вышедшей из темноты Ирке.

– Не будем, – кивнул Кривой, с размаху насаживая Сашку под дых на кулак. Когда Кабанов согнулся, другой рукой Юрка съездил ему по лицу. Сашка охнул, опрокидываясь на землю. – Ты сюда зачем пришла?

Зайцева равнодушно проследила за перемещением Сашки в пространстве.

– Там Королев объявился.

– Ходок, – Кабанов вытер окровавленные губы.

– И чего? – Кривой лениво погладил кулак.

Ирка выдержала приличную паузу, словно оценивая – достойны ли ответа находящиеся рядом с ней.

– Ничего. – Слова она отвечивала скупно. – Никого не узнает. Как вышел из изолятора, не помнит. Где был – тоже.

– Во заливаает, – восхитился кто-то из гвардейцев.

– Врет небось, – лениво приговорил Лешку Кривой. – А ты чего одна? Твоя подруга где?

– В палате плачет. Лешка и ее не узнает. Говорит, первый раз видит.

– Во дает, – снова подали голос гвардейцы.

– И где он сейчас?

– Его вожатые чаем отпаивают. За старпером отправили, начальником. Вот я и пришла на вас посмотреть.

– Ну и как? Посмотрела?

Кривой все наступал. Он хотел оттеснить Зайцеву от Кабанова, заставить смотреть только на него. Но Ирка на все его ухищрения только презрительно хмыкнула, отворачиваясь.

– Насмотрелась уже! – Она склонилась над Сашкой. – Отдохнул? Вставай. Пошли!

– Куда?

– На кудыкину гору. – Ирка вдруг перестала улыбаться, словно что-то услышала. – Начальника звать.

Сашка сплюнул красную слюну и легко поднялся с земли. Зайцева демонстративно подхватила его под локоть, смахнула с плеча прилипшие хвоинки. Бросила застывшему Кривому:

– А кое-кому спать пора. А то вас ругать будут.

– И вы не задерживайтесь, – Кривой подпустил в голос металла. – Побыстрее там. До административного корпуса и обратно.

– Ничего, справимся, – не сдержалась Ирка, хотя понимала: надо молчать. Умный не тот, за кем последнее слово, а кто вовремя остановился. – Без советчиков.

– Ну конечно, вы же люди ученые. – Голос Кривого зазвенел. – А умеючи – это долго. Кабанов дернулся было, но Ирка держала его крепко.

– Потом пошумишь, – процедила она сквозь зубы.

Сашка тяжело задышал. Он не привык, чтобы им командовали. Но второй раз проиграть драку на глазах у Зайцевой – не лучший вариант.

– Как ты нас нашла? – Сашка еще не совсем пришел в себя после поражения, хлюпал носом, боялся глубоко вздохнуть, чувствуя неприятную боль в ребрах.

– Чего вас искать? Вы топали по коридору как слоны.

– Я в окно вылез.

– Значит, Кривой топал.

– Он тоже через окно.

– Значит, кто-то еще топал, – не сдавалась Ирка. – Какая разница! И так было понятно, что вы чудить начнете.

– Это из-за моего выигрыша, – с вызовом произнес Сашка.

Ирка остановилась. Сейчас она была невероятно красива, словно соткана из лунного света. Серебристая футболка, серые джинсы, пепельно-рыжие волосы. Ладони у Кабанова вспотели. Ему захотелось зажмуриться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.